Концепт мүшел жас в книге Бахыта Каирбекова «Многоточие»**Арай С. Утебекова, Жанат Х. Салханова, Жадыра А. Баянбаева**

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан

В статье анализируется концепт «мүшел жас» в системе структурно-содержательных доминант книги казахского поэта Бахыта Каирбекова «Многоточие» (2018). «Мүшел жас» — это казахское выражение, обозначающее циклический возрастной рубеж, кратный 12 годам, трактуется как переходный возраст, новый жизненный этап.

Отмечено, что представления о мүшел жас связаны с 12-летним летоисчислением, выражают цикличность времени, и в той или иной степени сохраняются в культуре народов Центральной Азии. «Мүшел жас» в творчестве Бахыта Каирбекова определяется как ключевой концепт, имеющий символический смысл. Это предопределенный свыше, сопряженный с испытаниями, пограничный, переходный период, но это и время новых возможностей.

Книга «Многоточие», в которой «мүшел жас» является одним из важных этнокультурных концептов, имеет многожанровую структуру, включает прозу и стихи, дневниковые записи и интервью, реминисценции, афоризмы и цитаты. Ценность проведенного исследования и вклад данной работы в гуманитарную область знания заключается в неординарности подхода к заявленной теме. «Мүшел жас» — это годы не только испытаний, но и время возможностей, новых целей. Смысл мүшел жас складывается у поэта в метафорический образ «құрақ көрпе» («лоскутное одеяло»), собранный из раздумий автора в прозе и пронзительных стихов о скоротечности времени. В причудливых узорах «лоскутного одеяла» поэта-философа и ностальгия о прошлом, и честная самооценка настоящих дней, и оптимистичный взгляд в будущее.

Ключевые слова: древнетюркский календарь; двенадцатилетний цикл; концепт; мүшел жас; казахская литература; казахская культура; казахи; тюркская культура; Бахыт Каирбеков

Для цитирования:

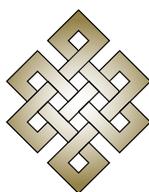
Утебекова А. С., Салханова Ж. Х., Баянбаева Ж. А. Концепт мүшел жас в книге Бахыта Каирбекова «Многоточие» // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 367-385. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.20>

Утебекова Арай Саяновна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр-т аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: aray.utebekova@yahoo.com

Салханова Жанат Хамаровна — доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр-т аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: salkhanova.zhanat@mail.ru

Баянбаева Жадыра Амангельдиевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050040, пр-т аль-Фараби, д. 71. Эл. адрес: bayanbaevazhadra@mail.ru

TURKIC-MONGOLIAN WORLD

Article

The Concept of *Müshel Jas* in Bakhyt Kairbekov's Book *Ellipsis*

Aray S. Utebekova, Zhanat Kh. Salkhanova, Zhadyra A. Bayanbayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan

It is noted that notions of *müshel jas* are associated with a twelve-year time cycle, reflect the cyclicity of time, and to some extent persist in the cultures of the peoples of Central Asia. In Bakhyt Kairbekov's creative work, *müshel jas* is defined as a key concept carrying symbolic meaning. It represents a divinely predetermined, trial-laden period — a liminal and transitional stage — but also a time of new possibilities.

The book *Ellipsis*, in which *müshel jas* functions as one of the important ethnocultural concepts, has a multigenre structure that includes prose and poetry, diary entries and interviews, reminiscences, aphorisms, and quotations. The value of the conducted research and its contribution to humanities lies in the originality of the approach to the stated topic. *Müshel jas* represents not only years of trials but also a time of opportunities and new aims.

For the poet, the meaning of *müshel jas* takes shape in the metaphorical image of a *quraq körpe* ("patchwork quilt"), composed of the author's reflections in prose and poignant verses on the transience of time. In the intricate patterns of the poet-philosopher's "patchwork quilt" coexist nostalgia for the past, an honest self-assessment of the present, and an optimistic outlook toward the future.

Keywords: Old Turkic calendar; twelve-year cycle; concept; *müshel jas*; Kazakh literature; Kazakh culture; Kazakhs; Turkic culture; Bakhyt Kairbekov

For citation:

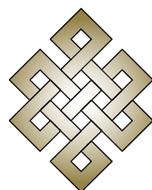
Utebekova A. S., Salkhanova Zh. Kh. and Bayanbayeva Zh. A. The Concept of *Müshel Jas* in Bakhyt Kairbekov's Book *Ellipsis*. *New Research of Tuva*, 2026, no. 1, pp. 367-385 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.20>

UTEBEKOVA, Aray Sayanovna, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 al-Farabi Ave., 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: aray.utebekova@yahoo.com

SALKHANOVA, Zhanat Khamarovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 al-Farabi Ave., 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: salkhanova.zhanat@mail.ru

BAYANBAYEVA, Zhadyra Amangeldievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University. Postal address: 71 al-Farabi Ave., 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: bayanbaevazhadra@mail.ru

Введение

Числовая символика является частью культурного наследия тюркских народов, она важна для понимания их мировоззрения, так как имеет сакральный смысл в культуре. Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что символика 12-летнего цикла, который на казахском языке именуется *мүшел жас*, в настоящее время недостаточно изучена. В современной действительности и культуре казахского народа *мүшел жас* имеет важное значение, в него верят, ему следуют и передают из поколения в поколение. Эта тенденция отмечается в трудах казахстанских исследователей (Бопайұлы, 2024; Ергали, 2012; Мухамбетова, 2001).

Словосочетание *мүшел жас* — это казахское выражение, обозначающее циклический возрастной рубеж, кратный 12 годам, активно использующийся в казахской культуре, включая литературу, и менталитете. Объяснение семантики словосочетания в справочной литературе трактуется как переходный возраст, новый жизненный этап¹.

В данной работе *мүшел жас* рассматривается в контексте традиций тюркских народов как культурно-значимый концепт и ключевая идея книги «Многоточие» известного казахского поэта и кинорежиссера Б. Каирбекова (2008)². В этом произведении *мүшел жас* выступает в качестве концепта, поскольку используется автором как единица текста, отражающая ценностные этнокультурные ориентиры. Здесь мы опираемся на мнение исследователей, считающих, что в художественной литературе концепт может включать не только понятийный, но и эмоциональный, символический смыслы (Карасик, 2004).

Цель исследования — определить смысловое значение концепта *мүшел жас* в поэтической картине мира Бахыта Каирбекова. Предмет исследования в данной статье — концепт *мүшел жас*. Объект исследования — книга Б. Каирбекова «Многоточие» (2018). Задачи исследования: 1) выявить трактовку концепта *мүшел жас* в трудах ученых, определить степень изученности творчества Б. Каирбекова; 2) изучить специфику числовой символики в культуре казахского и других тюркских народов; 3) обосновать значимость концепта *мүшел жас* в книге Б. Каирбекова «Многоточие». Источниковая база исследования — художественные тексты из книги Б. Каирбекова «Многоточие».

Категория концепта в данной статье понимается нами в рамках его междисциплинарного статуса, поскольку он используется в двух парадигмах: лингвокогнитологии и лингвокультурологии. Представители первого направления интерпретируют концепт как единицу сознания, выступающую как целостное отражение фактов действительности. Образуюсь в процессе мысленного конструирования (концептуализации) предметов и явлений окружающего мира, концепты отражают содержание знаний, опыта всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания (Аскольдов, 1997; Кубрякова, 2004; и др.³). Представители второго направления рассматривают концепт как ментальное образование, отмеченное этносемантической спецификой (Вежбицкая, 2011; Лихачев, 1997; Степанов, 1997; Стернин, 2007).

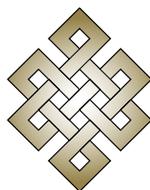
В контексте темы нашего исследования мы разделяем позиции второго лингвокультурологического направления. Методологически важными в этой связи считаем взгляды Ю. С. Степанова о структуре концепта. Концепт, по его мнению, включает в себя такие компоненты, как 1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся историческими; 3) внутреннюю форму, обычно не осознаваемую, запечатленную во внешней словесной форме (Степанов, 1997: 40–43).

Вслед за Ю. С. Степановым мы считаем концепт более объемным мыслительным конструктом человеческого сознания по сравнению с понятием. По выражению ученого, концепт есть «некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека» (Степанов, 1997: 41).

¹ Уәли Н. Қазақ сөздігі. Қазақ тілінің біртұмдық үлкен түсіндірме сөздігі [Казахский словарь. Большой однотомный толковый словарь казахского языка]. Алматы: Дәуір, 2013.

² Каирбеков Б. Г. Многоточие. Алматы: Идан, 2018.

³ Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics: курс лекций: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.

Исследователь отмечает, что концепт, в отличие от понятия, не только мыслится, но и переживается. Из этого следует, что его объем шире объема понятия. Концепт включает в себя само понятие, являющееся в свою очередь его обязательным ядерным компонентом. Трансформируемые в культурные концепты понятия в их первичной форме существуют в человеческом сознании как некий диффузный, размытый, недостаточно четко схваченный языком «сгусток смысла» (термин Степанова) интуитивно осознаваемый его продуцентом-носителем. Следовательно, их вычленение из текста или дискурса связано с различными факторами. Эти еще не до конца оформившиеся, но уже «зачатые» «сгустки смысла» Степанов называет предформами потенциальных понятий, способных в перспективе стать концептами, т. е. понятиями, сопровождаемыми определенными оценками. Рассуждения лингвиста можно представить в виде следующей схемы: концепт = понятие + представление о нем (Степанов, 1997: 42).

В данной статье мы используем следующее главное определение: концепт — это единица коллективного сознания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой. Здесь мы исходим из позиции исследователей, считающих, что изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета входит в задачи лингвокультурологии, она создана «на основе триады — язык, культура, человеческая личность» и представляет лингвокультуру как «линзу, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса» (Бенвенист, 1974; Маслова, 2021; Телия, 1996).

Актуальность темы статьи также обусловлена спецификой творчества Бахыта Гафуовича Каирбекова (1953 г. р.) — русскоязычного представителя современной казахской литературы, известного как поэт, переводчик, эссеист, режиссер и сценарист, которое в настоящее время активно изучается, однако, исследовано все еще не полностью. К числу малоизученных относятся, например, эссеистика, дневники, поэтические сборники последних лет. Это самобытный автор, чей жизненный и творческий путь предопределили проблематику, стилистику и жанровую природу его произведений. Он автор поэтических сборников: «Осенний диалог» (1978), «Глагол «жить»» (1982), «За живую водой» (1986), «Менің үйім» (1987), «За решеткой строк» (1996), «Биография алматинца» (1998), «Избранное» (1998, в 2 томах), «Путь воды» (2010), «Многогочие. Стихотворный пэчворк» (2018), «Кочующие в мирах» (2023), «Ласка лета: Избранная лирика» (2023), «Чаша. Посвящения» (2023).

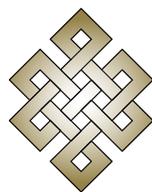
Одним из отличительных признаков творчества Бахыта Каирбекова является обращение к этнокультурным традициям и философии своего народа. В его произведениях этнокультурные концепты играют ключевую роль, отражая не только исторические и культурные реалии, но и внутренний мир героев, их восприятие мира и ценности. Поэт активно использует элементы казахского фольклора, мифологии, эпоса. Персонажи его произведений часто переживают события, связанные с традиционными казахскими верованиями, что создает особую атмосферу, погружая читателя в мир ритуалов. В результате многолетней работы в этом направлении была написана книга «Национальные традиции и обычаи. Казахский этикет»¹.

Отметим также деятельность Б. Каирбекова в кинодокументалистике. Он создает фильмы, раскрывающие космогонические представления древних тюрков. К числу наиболее известных относятся документальные фильмы: «Домусульманские обычаи и традиции казахов» (1999), «Девятая территория мира» (2004), «Казахская юрта» (2008), «Аксиома крыла» (2008); «В сердце Евразии» (2012), «В потоке истории» (2012), «Дешт-и-Кыпчак. Тайные знаки» (2015), «Под вечным оком неба» (2016), «Крылатая душа джигита» (2020), «Кочующие в мирах» (2024) и др.

Новизна нашей работы заключается: а) в том, что в трудах исследователей творчества данного автора еще не рассматривался концепт *мүшел жас*, б) в междисциплинарном подходе к изучению темы, поскольку *мүшел жас* вызывает интерес с позиций различных гуманитарных наук.

Изучение концепта *мүшел жас* требует междисциплинарного подхода, так как предмет нашего исследования имеет значимость для философии, культурологии, литературоведения, тюркологии, лингвистики. В этой связи, теоретико-методологической базой данной работы стали труды философов, тюркологов, культурологов (Бертельс, 1988; Брагинский, 1974; Кляшторный, 2006; Малов, 1951; Паллас, 1989; Радлов, 1872; Clauson, 1972; Pagden, 2008).

¹ Каирбеков Б. Г. Национальные традиции и обычаи. Казахский этикет. Алматы: Атамұра, 2012.

Сравнительно-историческая методика анализа применена нами с целью выявления сходств и различий между родственными культурами тюркских народов. В качестве концептуального в статье избран литературоведческий подход, поскольку главным понятием и предметом исследования в нашей работе является *мүшел жас* как значимая единица художественного текста. Изучение книги Б. Каирбекова «Многоточие» осуществлено на базе структурно-семантического, идейно-тематического, лингво-концептуального методов анализа.

Обзор литературы

Научно-исследовательские темы, рассматриваемые в данной статье, группируются вокруг ключевого концепта *мүшел жас*, структурно-семантических доминант книги «Многоточие», поэтической картины мира, воссозданной в произведениях Б. Каирбекова.

Концепция *мүшел жас* как важная часть традиционного казахского мировоззрения исследуется в работах философов, этнографов, культурологов. Важно отметить, что изучение *мүшел жас* в большинстве трудов происходит в контексте более широких исследований казахской культуры, а не как отдельная самостоятельная тема.

Так, К. Ж. Кожакметова, вслед за Л. Н. Гумилевым, развивая теории филогенетического и онтогенетического разделения этногенеза, пишет, что человек не способен идентифицировать себя без своего этноса, религии, образцов поведения. Автор, информируя об обрядах и традициях, национальных играх и песнях, не рассматривает как предмет исследования концепт *мүшел жас* (Кожакметова, 1998).

К. Б. Жарикбаев, А. К. Олжаева, М. К. Ахметова утверждают, что в этническом самосознании наиболее выражены когнитивные и эмоциональные компоненты личности¹. Когнитивная сторона представлена исторической и культурной памятью; эмоциональным компонентом являются национальные чувства. В круг понятий, входящих в компонент самосознания народа, по мнению ученых, кроме обычаев и национального характера, входят быт и образ жизни.

К. Е. Нурмаганбет, С. В. Ананьева, А. С. Демченко подчеркивают взаимосвязь этнокультурных и литературных концептов; отмечают, что особенности социальной организации коллектива nomadic type в модусе художественности отражают мировоззренческие установки этноса, коррелируют с архетипами и аксиологемами; организуя нарративный уровень художественного текста (Нурмаганбет, Ананьева, Демченко, 2024: 36).

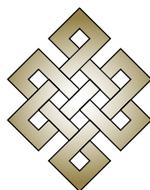
Ф. Т. Саметова, изучая концепт времени, пишет, что циклические представления о времени были присущиномадам. Ученый приводит примеры из разных культур, утверждая, например, что символом древнеиндийского понимания времени является колесо как олицетворение извечного движения космического порядка, постоянно возобновляющегося круговорота рождения и смерти (Саметова, 2018: 202).

Ч. К. Ламажаа, исследуя феномен времени в тувинской культуре, говорит о так называемом «степном времени» и, адаптируя концепцию Р. Льюиса, отмечает, что для народов Востока время не линейно, оно не привязано к людям или событиям, оно циклично (Ламажаа, 2018: 11). Об этом же пишут Ж. К. Каракозова и М. Ш. Хасанов, утверждая, что время в национальном мировосприятии казахов циклично, подчинено сменяющим друг друга ритмам жизни-смерти-жизни (Каракозова, Хасанов, 2001).

Как видим, в трудах философов, психологов, филологов представлена информация не собственно о *мүшел жас*, а о «ближайшем его окружении», то есть о предпосылках появления, условиях формирования, взаимосвязях с другими этнокультурными концептами. Более конкретные сведения по теме исследования мы находим в работах этнографов и культурологов.

Ученые-этнографы рассматривают *мүшел жас* в качестве одной из ментальных составляющих. Б. Бопайұлы описывает значение каждого *мүшел жас* как периода жизненных испытаний, отмечая при этом, что 12-летние циклы сопровождаются изменениями в здоровье и характере (Бопайұлы, 2024). Он

¹ Жарикбаев К. Б., Олжаева А. К., Ахметова М. К. Казахская этнопсихология: учебное пособие. Алматы: Казак университеті, 2019.

считает, что *мүшел жас* следует воспринимать не как опасный период, но как возможность перейти на новый жизненный этап.

Этнограф С. Ергали предлагает расширенный список этапов *мүшел жас* до 121 года (10-й *мүшел*), указывая на стремление людей к экстремальному долголетию (Ергали, 2012). Он считает возраст 37 лет самым опасным и наиболее важным периодом, так как в это время человек переходит от юности к зрелости и достигает своеобразной «золотой середины» жизненного цикла. Примечательно, что мысли С. Ергали о «прекращение умственного развития» в 37 лет отличаются от мнений других ученых, описывающих этот возраст как период переосмысления. Это расхождение в интерпретации значения 37 лет указывает на то, что, хотя концепция *мүшел жас* является общей, ее конкретные толкования в этнографических источниках могут варьироваться, отражая региональные, национальные и иные особенности.

К. Бегалинова и Б. Кокумбаева считают переходы из одного *мүшел жас* в другой символическими: они мифологически трактуются как «смерть в одном качестве и рождение в новом» (Бегалинова, Кокумбаева, 2020: 26). Эта концепция «большого» времени легла в основу философии казахов, проповедующей долготерпение, стойкость перед испытаниями и спокойствие духа.

Культурологи и фольклористы считают *мүшел жас* одной из народных традиций, отраженных акынами (поэтами-импровизаторами) в произведениях устного народного творчества. Так, Б. Т. Борашова изучает мотив цикличности времени в структуре поэтических фольклорных текстов: толғау, жоқтау, поминальная поэзия, айтыс, дастаны, батырские песни и т. д.¹ Нельзя не согласиться с мнением фольклориста, что мировоззренческие позиции казахских поэтов Абая, Жамбыла, Мукагали, Махамбета и других проявлялись в их творчестве при описании жизненных этапов². Однако, *мүшел жас* в качестве поэтического концепта не рассматривается в ее работе.

А. И. Мухамбетова предоставляет обстоятельную информацию о происхождении, особенностях, генезисе тенгрианского календаря, его значимости в казахской культуре (Мухамбетова, 2001). Ученая пишет: «Все религии имеют свои календари, а все календари принадлежат каким-либо религиям. Исходя из этого аксиоматического положения, известный в науке, а ныне и массовом обиходе, циклический животный календарь, называемый казахами *мүшел жас*, атрибутируется нами как тенгрианский» (там же: 12). Структура времени *мүшел жас* анализируется ученой в опоре на методологический постулат О. Шпенглера — время есть морфологические средства, внутренне связующие язык форм всех культурных сфер. Структура времени *мүшел жас* подчиняется космическим законам: Эволюции, Кармы или Космической справедливости, Иерархии, Круговорота, Подобий и т. п. (там же).

Изучение творчества Бахыта Каирбекова находит отражение в работах целого ряда казахстанских и российских ученых (Абдрахманова, Тахан, 2023; Бадиков, 2005; Бахтикиреева, Шагимгереева, 2020; Бахтыбаева, 2021; Валикова, 2021; Валикова, Шагимгереева, Кулиева, 2020; Дианова, 2023; Кривошапова, 2022; Маслова, 2021; Салханова, 2017; Серикова, 2012; Туманова, 2023; и др.³).

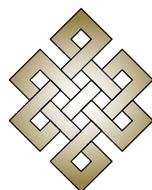
Несмотря на достаточно обширный список упомянутых и других работ о творчестве Б. Каирбекова, отметим, что ряд его произведений остается изученным не полностью. Среди них книга «Многоточие» (2018), на которую написаны и комментарии, и рецензии. Наиболее обоснованным, на наш взгляд, является мнение В. Т. Кривошаповой, которая рассматривает поэтику стихотворного пэчворка, природу цитат-эпиграфов, полижанровость произведения (Кривошапова, 2022).

Структурно-семантические доминанты и поэтическая картина мира в книге «Многоточие», на наш взгляд, выстроены неординарно, включают необычные концепты, в том числе *мүшел жас*. Б. Каирбеков в интервью, данному О. А. Валиковой, отвечая на вопросы о различных ипостасях своего творчества, рассуждает о символике числа 12. В частности, он говорит, что казахи, не случайно раз-

¹ Борашова Б. Т. (1997) Проблемы этапности человеческой жизни в казахской поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. н. Алматы, 1997. С. 8.

² Там же. С. 9.

³ Капитанова В. Ю. Мифологема Воды в сборнике Бахыта Каирбекова «Путь воды» // Нургалиевские чтения-ХІІІ: научное сообщество молодых ученых XXI столетия. Филологические науки. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / отв. ред. К. Р. Нургали. Астана: Мастер ПЮ, 2024. С. 310–312.

дельная тушу барана, выделяли 12 частей — *мүше*. Подобным же образом измерялось психическое состояние человека (Валикова, 2021: 68).

Анализ исследований о творчестве Бахыта Каирбекова показывает, что ученых в большей степени интересуют проблемы художественного билингвизма, этнокультурная основа текстов, вербально-семантические аспекты произведений.

Так, У. М. Бахтикиреева, Б. Е. Шагимгереева, изучая специфику творчества билингвального автора, ставят вопросы об этнической принадлежности и языке творчества. Не вызывает сомнений утверждение авторов статьи о том, что поэт, по рождению являясь носителем национальной культуры, в творческой практике может предпочесть иной язык: «Русский — это языковое бытие творческой личности Б. Каирбекова, которым выражается его национальное самосознание, интеллектуальный бэкграунд, свободный от ощущений «колониальной ментальности», мимикрирующих моделей и культурных стереотипов» (Бахтикиреева, Шагимгереева, 2020: 88).

О. А. Валикова, Б. Е. Шагимгереева, Шекер А. Кулиева, сопоставляя поэзию Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова, отмечают: «Если языковая личность представляет собой единство вербально-семантического, концептуального и прагматического комплексов, то билингвальная языковая личность, следовательно, “удваивается”, трансформируясь в интегральное пространство языковых ресурсов, которые неизменно проявлены в продуктах ее речевой деятельности» (Валикова, Шагимгереева, Кулиева, 2020: с 232).

В. В. Бадиков, исследуя многожанровую природу творчества Б. Каирбекова, высказывает мысль о том, что в его произведениях ощущается стремление к «лирическому стукту», уходящему своими корнями к литературному наследию Абая и Басе, Такубоку и Превера (Бадиков, 2005).

Ж. Х. Салханова, изучая эссеистику Б. Каирбекова отмечает, что в творчестве русскоязычного поэта находят отражение национальные ценности и культурные концепты: «Специфика произведений определяется всеохватностью взгляда писателя — современного человека, стремящегося соединить в своем сознании прошлое, настоящее и будущее». В этом же направлении работают Л. П. Дианова, В. А. Маслова, А. Б. Туманова, которые рассматривают языковую личность Б. Каирбекова с точки зрения художественного билингвизма (Салханова, 2019: 342; Дианова, 2023; Маслова, 2021; Туманова, 2023).

С. К. Серикова, рассматривая образ адресата и фигуру обращения в лирике Б. Каирбекова, выявляет переданные через местоимения «ты» и «вы» виды адресатов, эстетику парности и преобладание диалогизма. А. Т. Бактыбаева исследует творчество Б. Каирбекова с неожиданного ракурса, рассматривая иронию, сарказм, юмор в качестве элементов, создающих в произведениях эстетический эффект непредсказуемости (Серикова, 2012; Бактыбаева, 2021).

Обзор литературы о концепте *мүшел жас* и творчестве Б. Каирбекова показал, что его книга «Многогочие» изучена не полностью, недостаточно систематических научных работ, не исследованы ключевые, такие как *мүшел жас*, структурно-смысловые концепты произведения. Этим и обусловлена научная новизна данной работы.

Числовая символика в культуре тюркских народов

В данном разделе мы попытаемся определить смысловое значение концепта *мүшел жас* в казахской культуре, исходя из общности числовой символики тюркских народов. В основе *мүшел жас* находится 12-летний зооастрологический цикл, который является частью древнетюркского календаря и тесно связан с восточным (китайским) зодиакальным кругом. Каждый год в этом цикле соответствует определенному животному, которые на казахском языке имеют следующие названия: *Тышқан* ‘Мышь’, *Сыыр* ‘Бык’, *Барыс* ‘Барс/Тигр’, *Қоян* ‘Заяц/Кролик’, *Ұлу* ‘Дракон’, *Жылан* ‘Змея’, *Жылқы* ‘Лошадь’, *Қой* ‘Овца/Баран’, *Мешін* ‘Обезьяна’, *Тауық* ‘Петух’, *Ит* ‘Собака’, *Доңыз* ‘Свинья/Кабан’.

У казахов *мүшел жас* имеет особое значение и означает наступление года, соответствующего году рождения человека и повторяющегося через каждые 12 лет. Таким образом, человек переживает *мүшел жас* в возрасте 13, 25, 37, 49, 61, 73, 85 и 97 лет. Эти годы традиционно считаются переломными, критическими, несущими определенные риски и требующими особого внимания.

Считается, что в годы *мүшел жас* человек становится более уязвимым к болезням, неудачам и подвергается негативному влиянию извне. Поэтому в эти годы рекомендуется ничего не менять в

своей жизни, избегать рискованных предприятий, быть особенно осторожным, беречь здоровье. Если же уход человека из жизни совпадает с *мүшел жас*, то это воспринимается философски, как predetermined свыше неизбежность.

Существуют специальные обряды и обычаи, направленные на преодоление негативного влияния *мүшел жас*. Например, принято ритуально приносить в жертву домашнее животное, собираться за одним дастарханом с родственниками, раздавать близким и нуждающимся свою одежду, давать *садақа* 'милостыню', получать *бата* 'благословление' от *ақсақал* 'старейшего представителя рода'. Такова общая концепция 12-летнего цикла и *мүшел жас*, издавна распространенная в казахском обществе.

На наш взгляд, следует отдельно подчеркнуть важный аспект, связанный с отрезками *мүшел жас*, а именно — совпадение с известными в биологии и медицине периодами гормональной перестройки человеческого организма, которые временно выводят организм и психику из состояния равновесия.

Еще Ибн Сина (Авиценна) в своем знаменитом труде «Канон врачебной науки»¹ детально описал различные стадии человеческой жизни, от зачатия до старости. Он рассматривал каждый этап с точки зрения физиологических и психологических изменений, а также давал рекомендации по питанию, образу жизни и лечению для каждой возрастной группы. Его подход был комплексным и включал в себя как медицинские, так и философские размышления о природе человека. В работах врачей и ученых, напр., И. П. Павлова², дается характеристика физиологических процессов, происходящих на разных этапах жизни. Изучение высшей нервной деятельности и других систем организма способствовало формированию современных представлений о возрастных особенностях человека. В конце XIX — начале XX в. возникла «Теория о трех биоритмах» А. Уинфри, согласно которой живые существа подвержены трем циклическим изменениям: физическому, эмоциональному и интеллектуальному (Уинфри, 1990). Эта теория положила начало изучению циклических процессов в организме, которые сегодня известны как биоритмы. Исследователи продолжают развивать данную теорию. Например, Н. А. Агаджанян написал фундаментальный труд «Биологические ритмы», в котором рассматривает проблемы хрониобиологии и биоритмологии (Агаджанян, 1967).

Последовательное совпадение *мүшел жас* с критическими биологическими вехами (например, половое созревание, прекращение роста, угасание репродуктивной функции) указывает на то, что традиционная концепция, хотя и имеет культурную рамку, могла возникнуть из эмпирических наблюдений за развитием человека на протяжении поколений. Тот факт, что традиционные знания точно определили конкретные возрасты, которые современная медицина позже подтвердила, указывает на то, что концепция *мүшел жас* не случайна, а, вероятно, выведена из долгосрочных, коллективных наблюдений за жизненными циклами человека.

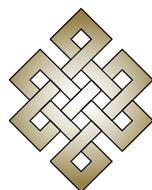
Немаловажно и то, что помимо физиологических изменений, *мүшел жас* совпадает с периодами психологических кризисов. Так, возраст 37 лет у многих народов ассоциируется с периодом психологических кризисов, который называют «теневой чертой человеческой жизни», «кризисом среднего возраста», то есть вызовы и трансформации, связанные с этим возрастом, представляют собой универсальный человеческий опыт, интерпретируемый и ритуализируемый у казахов в рамках *мүшел жас*. Это усиливает аргумент в пользу эмпирической основы *мүшел жас* и его актуальности за пределами одного культурного контекста.

К. Г. Юнг, основатель аналитической психологии, ввел в научный оборот понятие «кризис середины жизни», который, по его мнению, наступает примерно в 35–45 лет. Ученый говорил о том, что в этом возрасте происходит переоценка ценностей и переход от внешней реализации к внутренней (Юнг, 2010). Д. Левинсон, американский психолог, разработал с коллегами теорию стадий развития взрослого человека. По его модели, 37 лет — это возраст, который приходится на переходный период, когда человек начинает пересматривать заложенные в молодости свои цели и мечты (Levinson et al., 1978).

В процессе нашего исследования был осуществлен сопоставительный обзор культурных традиций других тюркских народов в поисках ответа на вопрос: есть ли у них *мүшел жас* или это исключительно казахский обычай?

¹ Ибн Сина, Абу Амир аль-Хусейн ибн А-Абдулла. Канон врачебной науки. М.: Академия наук, 1954.

² Павлов И. П. Избранные труды / под. общ. ред. Ю. В. Наточина. М.: Медицина, 1999.

Исследование научных публикаций показало, что узбеки также отмечают 12-летние циклы (по-узбекски *tuşal ýaş*). Хотя акцент на «опасности» этих лет может быть менее выражен, но сохраняется уважительное отношение к возрасту и определенным периодам жизни. В туркменской культуре также присутствует 12-летний животный цикл (по-туркменски *tuşel ýaş*). Отношение к *мушел жас* имеет свои особенности, связанные с традиционным укладом жизни этого народа. И у кыргызов существует понятие *мушел жас* (по-киргизски *мүчөл жаш*), и годы, соответствующие циклу, считаются важными. Как и казахи, кыргызы к этим годам относятся с осторожностью. Отношение к 12-летним циклам существует в традициях родственных казахам народов Центральной Азии, однако научных работ мы не обнаружили.

В культуре других тюркских народов (например, татар, башкир, якутов, тувинцев) можно обнаружить сведения о 12-летних циклах и особого отношения к определенным возрастам, хотя термин *мушел жас* может не использоваться или понимание веж иметь иные нюансы. Возможно, распространение ислама, влияние других религий и культур могло внести коррективы в традиционные верования. Несмотря на некоторые различия, безусловно, у большинства тюркских народов существуют общие черты: связь *мушел жас* с 12-летним животным циклом, восприятие каждого отрезка в этом цикле как потенциально опасного периода, наличие определенных обрядов, уважительное отношение к цикличности времени и возрасту человека.

Так, в диссертационной работе Ж. М. Юша «Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика»¹ рассматривается обрядовый фольклор: заклинания, благопожелания, восхваления, обращения. Исследователь, выявляя структуру и вербальный компонент календарных обрядов, отмечает, что обрядовая культура и фольклор сохраняют пласт архаичных элементов, в которых обнаруживаются элементы материнской традиции, а также сходства с обрядовой сферой и культурой других тюркско-монгольских народов.

Ж. М. Юша считает, что полижанровость и многообразие вербального кода связаны прежде всего с функциональностью и разветвленной структурой обрядовой практики китайских тувинцев. Ученая приходит к выводу, что фольклор и обряды тувинцев Китая представляют собой единый культурный текст, включающий двенадцать культурных кодов: акциональный, вербальный, пищевой, пространственный, персонажный, временной, игровой, числовой, цветовой, предметный, звуковой, музыкальный². Числовая символика рассматривается здесь в контексте семейных и календарных ритуалов применительно к детскому возрастному циклу и празднованию Нового года. Символика 12-летнего цикла остается за пределами данного исследования.

Е. В. Айыжы в диссертации «Обряды жизненного цикла у тувинцев России, Монголии и Китая: традиции и новации»³ изучает проблемы, близкие к теме нашего исследования. Ученая полагает, что обряды жизненного цикла важны для функционирования социума: они регулируют как ритм жизни индивида, так и социума в целом⁴. Разделяя точку зрения Айыжы, отметим, что семейная обрядность описывает среду, условия исполнения обрядов, тогда как периоды жизненного цикла, относящиеся к обрядам перехода, составляют их сущность, т. е. макросюжет.

В современном мире значение *мушел жас*, важное для казахов, может несколько ослабевать, особенно в городской среде. Однако, многие люди в Казахстане и странах по-прежнему помнят об этой традиции и соблюдают связанные с ней народные обычаи. Для современных казахов *мушел жас* является не только историко-культурной символикой, отражающей древние представления о цикличности времени и связи человека с космосом, но ментальной составляющей, имеющей философско-этическое значение.

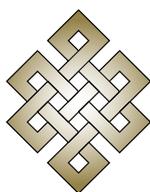
С целью подтверждения нашей гипотезы мы обратились к работам исследователей о сакральном смысле числовых символов, определяющих летоисчисление и важных для понимания истории и культуры народов Центральной Азии и Сибири. Ученые в своих трудах, изучая сведения о древних

¹Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 2018.

²Там же. С. 21.

³Айыжы Е. В. Обряды жизненного цикла тувинцев России, Монголии и Китая : традиции и инновации : автореф. дис. ... д-ра ист. н. Казань, 2024.

⁴Там же. С. 3.

тюркских календарях, выявляют исторические корни данного явления, процессы развития календарных систем, используемых на территории современных Казахстана, Киргизстана, Узбекистана и других регионов. Так, П. С. Паллас и В. В. Радлов связывают географические особенности территорий и культурные аспекты проживающих там народов, в том числе представления о времени и системе летоисчисления (Паллас, 1989; Радлов, 1872).

Исследователи из разных стран пишут о схожести числовой символики как одном из признаков языковой и ментальной общности тюркских народов (Бисенбаев, 2023; Безертинов, 2006; Журакузиев, 2021; Кенин-Лопсан, 2006; Мижит, 2009; Монгуш, 2015; Тенишев, 2011).

В частности, Л. Мижит выделяет цифру «три» как один из важнейших мировоззренческих феноменов, возникший из глубинных пластов религиозно-мифологического сознания и зафиксировавший трехуровневую модель Вселенной (Мижит, 2009).

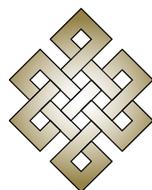
Что касается числа 12, исследователи отмечают общие истоки его символического значения в культуре стран Азии. Так, тувинский ученый Б. Б-О. Монгуш в статье «Истоки двенадцатилетнего животного календаря и его связь с празднованием Шагаа» рассматривает происхождение 12-летнего и 60-летнего циклического животного календаря, который, по его мнению, использовался предками тувинцев: «Этот календарь назывался “мучел” или “мурчел” (тув. “мөчүл”; хак. “мучел”; казах. “мүшел”; монг. “мөчлөг”)» (Монгуш, 2014: 105). Автор статьи связывает происхождение праздника Шагаа с 60-летним циклом, который, в свою очередь, восходит к 12-летнему летоисчислению, а также дает этимологическую справку слова *шагаа*, тувинского праздника Нового года, сопоставляя с тюркскими словами *шага*, *чаг*, *ак* (в переводе с казах. яз. *шақ* ‘время’, *ақ* ‘белый’). Мы солидарны с мнением ученого: действительно, лингвистические корреляции слов являются убедительным доказательством представленных в статье выводов.

Еще ранее В. В. Цыбульский писал, что идея создания юпитерного календаря с небесной символикой 12-летнего животного цикла была воспринята Восточной Азией от кочевников Центральной Азии (Цыбульский, 1982). Исследователь подчеркивал, что особенности быта, жилища, хозяйствования сыграли здесь немаловажную роль. Например, куполообразная с открытым верхом форма юрты — жилища кочевников способствовала накоплению астрономических знаний, которые передавались из поколения в поколение (там же: 79).

Казахстанские историки и культурологи считают, что символика 12-летнего летоисчисления имеет большую значимость для нашего народа, обозначает не только периодизацию жизни: детство — молодость — зрелость — старость, но и отражает ментальные представления, сохранившиеся по сей день в казахском обществе (Мухамбетова, 2001; Аким, 2021; Бегалинова, Кокумбаева, 2020; Салтаев, Эйваз, 2024). Отметим еще раз значимость работы А. Мухамбетовой, в которой помимо исторического, философского, культурологического, затрагивается этический аспект числовой символики. Ученая подчеркивает мысль о том, что человек, проживая 12-летние отрезки своей жизни, должен быть готовым к изменениям, преодолению, воспринимая неизбежные обновления объективно и сознательно, поскольку все повторяется, возвращается в круговращении циклов *мүшел жас* (Мухамбетова, 2001).

Итак, выявление числовой символики, характерной для тюркских народов в целом и казахов в частности, подтверждает то, что *мүшел жас* существует в ментальной картине мира казахов и в той или иной степени встречается и у других народов Азии. Число 12 обладает особым символическим значением, есть поверье, что тело человека состоит из 12 главных частей, отсюда смысл старинного казахского пожелания здоровья: *Он екі мүшең түгел болсын* ‘Пусть все твои 12 органов будут целыми’.

Сопоставительный анализ культурных традиций тюркских народов и подтвержденная на этом основании наша точка зрения показывают, что *мүшел жас* отражает универсальные аспекты человеческого развития, такие как кризисы и переходы, предлагая как объяснение, так и стратегии для навигации через призму уникальной национальной культурной системы. Ее устойчивость свидетельствует о значимости и способности резонировать с опытом людей на протяжении веков, подтверждая ее живой и динамичный характер. Непреходящая актуальность *мүшел жас* в казахском обществе дает основания утверждать, что традиционные этнокультурные рамки могут сохраняться, что указывает на адаптивность культурных верований.

Общая характеристика книги «Многоotchие»

Книга Б. Каирбекова «Многоotchие» (2018) представляет собой своеобразное произведение. Это собрание стихов, заметок, выдержек из дневников, раздумий о жизни, написанных и датированных разными годами. Книга имеет разножанровую структуру, включает прозу и стихи, дневниковые записи и интервью, реминисценции, афоризмы и цитаты. Сам автор определяет жанр книги как стихотворный пэчворк (от англ. *patchwork* — «изделие из лоскутов»), то есть «лоскутное одеяло».

Если использовать терминологию технологии пошива настоящего одеяла из лоскутков ткани, можно сказать, что книга Бахыта Каирбекова напоминает крейзи-пэчворк (*crazy patchwork* букв. 'сумасшедшее изделие из лоскутов'), в котором соединяются самые разные, часто не совместимые элементы, отличающиеся друг от друга размером, формой, цветом. Своеобразие крейзи-пэчворка в сравнении с иными способами создания лоскутного одеяла, например, от квилтинга (англ. *quilting* — изготовление стёганых изделий, подбивка), заключается в его неординарности. Именно так автор называет его на казахском языке — *құрақ көрпе* 'лоскутное одеяло'.

Структурно-семантический каркас книги задается в сильной позиции заглавия «Многоotchие», которое априори символизирует неопределенность, открытость и неизведанность, присущие жизни в целом. Этот символ можно трактовать и как недосказанность, намек на бесконечность возможностей, которые могут открыться перед героем. Но сможет ли он правильно воспринять и реализовать их в полной мере?

Структурно книга разделена на несколько частей, каждая из которых освещает разные этапы жизни главного героя, под которым подразумевается сам автор, его внутренние переживания и изменения, происходящие с ним. Бахыт Каирбеков использует литературный стиль, сочетающий элементы философского размышления и повествования от первого лица. Это позволяет читателю глубже понять внутренний мир героя, получить доступ к сокровенным мыслям и чувствам автора. Идеино-тематическое содержание книги группируется вокруг следующих основных проблем.

Во-первых, поиск смысла жизни. Главный герой произведения сталкивается с внутренним кризисом, поиском ответов на вопросы о своем предназначении, о том, что действительно важно в жизни. Это является центральной идеей книги, отражающей столкновение идеалов с реальностью, внутренних желаний с внешними обстоятельствами. Во-вторых, человеческие отношения. Автор пишет о проблемах любви, дружбы, доверия и предательства. Эти отношения могут быть источником как радости, так и страданий, что создает напряженность в жизни героя. В-третьих, мотивация и амбиции. Герой произведения, как и многие современные люди, сталкивается с желанием достичь успеха, но этот успех порой оказывается иллюзорным. В поисках жизненного успеха он сталкивается с трудностями, ставящими под сомнение саму ценность достижения. В-четвертых, размышления о времени и его течении. Множество метафор, использованных автором, вращаются вокруг феномена Времени и его невозвратимости, что подчеркивает значимость каждого мгновения жизни. Мотив времени переплетается с размышлениями о цикличности жизненного пути и значимости каждого его отрезка.

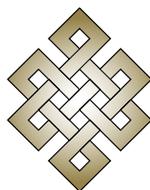
Концепт «мүшел жас» в номинациях текстов книги «Многоotchие»

Книга создана автором, как указано в предисловии, в сложный, переломный момент его судьбы: «уже не в первый раз я оказался на волосок от смерти»¹, возможно, поэтому философские размышления о жизни и смерти, прошлом, настоящем и будущем максимально обнажены, красной нитью прошивают стихотворный пэчворк. При этом совершенно нет ощущения одиночества, потерянности или безысходности. Напротив, перелистывая в памяти страницы собственной жизни, автор находит силы в ценностях, которые никогда не покидают его сознание.

Среди таких ценностей в качестве одного из концептуальных мотивов произведения прослеживается тема исконных корней, народных традиций, в том числе и *мүшел жас*. Концепт *мүшел жас* задается в номинациях многих стихотворений книги «Многоotchие», например: «Черета двенадцатилетий», «Мушель. На исходе четвертого круга», «Сглаз похож на нелепую кляксу», «Картинки древности —

¹ Каирбеков Б. Г. Многоotchие. Алматы: Идан, 2018. С. 3.

² Там же. С. 473.

среди степного стана», «Библия орнамента», «Тайна Золотого воина», «Мавзолей Джучи хана», «Очарованный странник», «Исповедь балбала», «Молельня тенгрианца» и других. Автор ощущает себя как певчая птица *қараторғай*, то есть человек, который осмысливает свою судьбу и на исходе жизни превращается в птицу: «Забудьте обо мне, я превратился в птицу. / Проснуться птицей я мечтал давно»².

«Черета двенадцатилетий» — так называется один из прозаических отрезков книги «Многогочие», здесь автор пишет о сакральных числовых представлениях кочевых народов. Поэт убежден не в случайности деления жизненного цикла на периоды, повторяющиеся каждые 12 лет. Он отмечает:

«Кочевники создали этот календарь, приняв за основу ритм Юпитера, точнее время оборота этой планеты вокруг солнца. Каждый оборот его, равный приблизительно 12 годам, назвали *мушель* (от слова *муше* — часть). Благополучное завершение *мушеля* (13, 25, 37, 49, 61 и т. д.) казахи отмечают “тоем” (праздником), дарят любимую одежду младшим, с пожеланием также благополучно миновать границы *мушеля*. Я вижу в этом символику “смерти и рождения”: человек “умирал” в прежнем возрасте и “рождался” в новом. Иначе говоря, жизнь представала перед взором кочевника, как постоянное эволюционное развитие, движение от одного состояния к другому»¹.

Поэт дает историко-этнографические сведения, объясняя смысл названий периодов: 12 лет — *балалық* (детство), 25 лет — *жастық* (молодость), 37 лет — *азамат* (гражданин), 49 лет — *қарасақалдык* (мудрость), 61 год и последующие годы — *ақсақалдық* (старость). Такая типология обусловлена тем, что в старину возраст 60 лет считался веком жизни человека.

Интересно то, что философские размышления автора о цикличности времени, символике *мушел жас*, высказанные им в прозе, получают оригинальное продолжение в лирических стихотворениях. Одно из них так и называется «Черета двенадцатилетий», здесь поэт задает вопросы самому себе и сам же отвечает: «Устал томиться, / смотреться в серое ненастье, / злиться на свое не-счастье.../Как мутное стекло разбить/ — моноклем вставленное в душу?.../ Любить»².

Мотив неопределенности, «пограничности» состояния лирического героя и в то же время надежды на будущее воплощен в метафорах: «разбитое корыто не вековать», «смирить гордыню — не смириться», «не ведать смерти, страха», «стыдиться, но смотреть», «цветь мохнатого гнилья сама засохнет и спадет», «в душе томительная дрянь», «кровь алая — моя». Произведение датируется 1989 г., т. е. для автора — это начало четвертого *мушел жас* — 37 лет.

А в 2002 г., на исходе четвертого *мушел жас* и перехода к следующему (49 лет) поэт создает стихотворение, которое так и называется «Мушель». Здесь тональность произведения совершенно другая, передает ощущения человека, прошедшего опасный промежуток и с оптимизмом шагнувшего в новый период своей жизни: «Прощаюсь с тем, что сердцем не забыто, / Рисую даль, в которой буду проживать, / Я вновь хочу быть книгою открытой, / В которой есть, о чем вам рассказать»³.

В 2016 г. рождается стихотворение, заглавие которого совпадает с названием книги «Многогочие». Уже преодолен шестой *мушел жас*, полный неожиданностей и трудных решений, здесь преобладает мотив неизбежности событий: «Много ночей... много очей... у молчания. /Вместо речей, вместо мечей, Вечернее мерцание.../ Воды?... Звезды?.../Все ожидание... Все обещание... Немое знание... Своей вины Признание...»⁴.

А в 2017 г. поэт-философ, возвращаясь к идее *құрақ көрпе*, пишет о своей догадке: почему казахи издавна и по сей день на похоронах, свадьбах, при рождении детей раздают людям части целого (платки или куски материи). По мнению автора, когда Человек умирает, мир рушится и повсюду поселяется хаос кусков разорванной Материи, а когда Человек рождается, мир обретает порядок. Человек — ось мира, Человек «сшивает» Вселенную, Космос, наводит порядок — и в этом его великая миссия — сотворять мир⁵.

Тем же 2017 г. датируется стихотворение «Құрақ көрпе», звучащее в унисон с размышлениями поэта. Автор, красочно описывая «лоскутное одеяло» осени, подразумевает под этим образом время

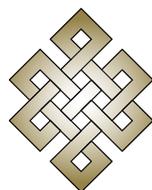
¹ Там же. С. 8.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 84.

⁵ Там же. С. 243.

зрелости, воспоминаний, памяти. Авторские метафоры создают поэтическое настроение спокойствия, умиротворения: «листопадом обрушится память», «лоскутками цветными», «щедрый подарок», «одеяло безоблачных дней», «нарядный пэчворк». В его памяти оживают «летних дней золотые страницы», «только радости чистое пламя», поэт с надеждой смотрит в будущее, «отрекаясь от черных вестей», декларируя «пожелание-жить веселей»¹.

Таким образом, поэт-философ считает *мүшел жас* важной частью казахского менталитета, отражающей этнокультурные корни народа и самосознание отдельной личности.

Символика «мүшел жас» в книге «Многоточие»

Бахыт Каирбеков дает свое понимание символического образа, сквозной метафоры, вокруг которой разворачивается повествование: «Құрақ көрпе — стихотворный пэчворк — несет в себе ту же миссию, что и любое ковроткачество — печать Карты мира, схему модели мира, Тайну Клада Мира — поиск Единства, которое было в Начале мира до крушения Вавилонской башни — последнего символа единого порыва народонаселения земного шара»².

Здесь мы видим внутренне единство размышлений Бахыта Каирбекова о символике *мүшел жас* и *құрақ көрпе*, заключающееся в цикличности Времени. Это некий рисунок Жизни, орнамент, который человек создает сам, сам же отвечает за его причудливые узоры, но делает это сознательно, смиренно, с благодарностью за дарованную ему Жизнь. Идея автора такова: у каждого из нас есть свое лоскутное одеяло жизни, в котором череда двенадцатилетий обозначена как красочные куски материи, отражающие фрагменты радостных и нерадостных дней.

Данная идея воплощена в стихотворении «Библия орнамента», написанном в 2004 г., когда автор преодолел «опасный» возраст 49 лет. На первый взгляд, стихотворение «выбивается» из тематики нашего исследования, это произведение не напрямую о *мүшел жас*. Однако, поэтическая символика, образы и мотивы стихотворения, на наш взгляд, коррелируют напрямую со смыслом концепта *мүшел жас* и жанром *құрақ көрпе*.

Рассмотрим концептуальную картину произведения сквозь призму лингво-концептуального анализа. Семантическое ядро концептосферы стихотворения составляет выведенное в сильной позиции заглавия словосочетание «Библия орнамента», сакральный смысл которого задается априори. Когнитивно-пропозициональная структура текста создается путем обобщения семантических позиций слов-образов: *карта — кочевье — узор — ковер — портрет — молитвы — заклинания — квадрат — круг — Вечность*. Анализ регулярных лексических репрезентаций основных позиций данной когнитивно-пропозициональной структуры позволяет выявить его основные элементы. Субъект: *я, ты, мы*. Предикат: *оберечь, обернуть*. Сопряженные предикаты: *вглядись, увидишь, узнаешь, придешь*. Атрибутивные параметры: *оберечь, обернуть — как и когда*.

Ковер с орнаментом — это предмет: а) который может сохранить («Ковра орнамент — карта, долгий путь/кочевий, уходящих в бесконечность»); б) объединить («Вглядись в ковер — перед тобою Вечность»); в) увидеть прошлое («Вглядись, и ты увидишь мир былой/ ты видишь все слои веков — живая география»); г) вернуться в настоящее («Живой в живом себя счастливо узнает/ квадрат или круг, ты сердце тех лучей»); д) сделать открытие («Но сколько здесь загадочных открытий»); е) прийти к осознанию («И ты однажды в этот мир придешь — Ведь это о тебе мне возвестили нити»)³.

Философский характер лирического текста не вызывает сомнений. Здесь не простое описание ковра как предмета быта, на наш взгляд, смысл развернутой метафоры заключается в описании судьбы человека, обобщенного образа, под которым подразумевается автор произведения. Поэт рассматривает орнамент на ковре как портрет, рисунок, зафиксировавший память столетий; своеобразную карту пути, по которой прошли кочевья и продолжают идти современные поколения преемников. В узорах орнамента поэт видит и дорогу, и связь времен, и саму Вечность. У каждого человека и народа в целом свой жизненный сюжет, состоящий из отдельных эпизодов как орнамент на ковре, вытканый годами, десятилетиями, столетиями. И каждый фрагмент имеет значение, оказывает сущес-

¹ Там же. С. 297.

² Там же. С. 244.

³ Там же. С. 245.

твенное влияние на смысл всего рисунка личной судьбы и отражает суть всеобщей Жизни. Такова, на наш взгляд, ключевая идея стихотворения.

Примечательно, что стихотворение «Библия орнамента» композиционно следует в книге сразу за прозаическим отрезком, в котором автор объясняет свое понимание *құрақ көрпе* — *пэчворк*. Автор посредством сквозных образов, метафор, символов стремится показать, что мир не статичен, он цикличен как *мүшел жас*, не повторим как *құрақ көрпе*, причудлив как орнамент на ковре.

Думается, что ассоциативные ряды стихотворения «Библия орнамента» гораздо шире небольшого по сути объема произведения. Всего четыре строфы и такие узнаваемые ключевые слова, но в них заключен глубокий подтекст. Вспомним, что издавна ковер ткали вручную из кошмы женщины-казашки старшего поколения, вкладывая в узоры орнамента и понимание жизни, и уроки своих матерей, и осознание своей судьбы. Аналогичным образом шили и *құрақ көрпе*, у каждого лоскутного одеяла был свой неповторимый рисунок. Домотканье ковры *сырмақ*, *текемет*, *алаша* и *құрақ көрпе* давали в приданое дочерям, передавая преемственность и веру в счастливое будущее в новой семье. Таковы были казахские традиции.

Таким образом, *мүшел жас* у Б. Каирбекова является символом цикличности времени, предопределенности событий; при этом жизненные перемены следует воспринимать философски с верой в будущее.

Заключение

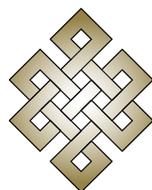
Итак, поставленная нами в данной статье цель исследования — определить смысловое значение концепта *мүшел жас* в поэтической картине мира Бахыта Каирбекова — достигнута. В процессе анализа выявлено, что *мүшел жас* как возрастной рубеж глубоко укоренен в культуре казахов и других тюркских народов. В его основе тенгрианский календарь, который был не просто инструментом измерения времени, а полноценной философией. Это уникальное кочевое видение жизни и ее отрезков отличается от линейных традиций. Культурное понимание развития в рамках *мүшел жас* предполагает, что периоды относительной стабильности в жизни человека прерываются критическими точками, требующими адаптации и трансформации. Такой подход отражает концепцию прерывистого равновесия, характерную для биологических и социальных систем, где периоды стазиса чередуются с трансформационными сдвигами.

Основным результатом достижения цели исследования является тезис о том, что *мүшел жас* в книге Бахыта Каирбекова «Многоточие» определяется как пограничный переходный период, предопределенный свыше; это годы не только испытаний, но и время возможностей, новых целей. Символический смысл *мүшел жас* складывается у поэта в метафорический образ *құрақ көрпе*, собранный из раздумий автора в прозе и пронзительных стихов о скоротечности времени. В причудливых узорах «лоскутного одеяла», сотканного поэтом-философом, и ностальгия о прошлом, и честная самооценка настоящих дней, и оптимистичный взгляд в будущее, выраженный во многих строках.

Мүшел жас служит, выражаясь современным языком, специфической «дорожной картой развития», которая не только описывает, но и предписывает поведение и ритуалы, необходимые для преодоления жизненных переходов. Этот предписывающий аспект, в сочетании с эмпирическими корреляциями, обуславливает направленную на сохранение психологического и социального благополучия уникальную числовую систему, характерную для тюркского мировоззрения. Она говорит людям, что делать и чего ожидать на критических этапах, предоставляя целостный подход к управлению жизненными вызовами.

В период *мүшел жас* в казахской традиции принято соблюдать меры предосторожности, раздавать *садақа* 'милостыню', совершать добрые поступки, получать *бата* 'благословение'. Особое место среди культурных практик *мүшел жас* занимает обычай раздавать одежду и вещи. Обычай рассматривается не как благотворительность, но как символический акт сбрасывания «старого Я» и подготовки к новой идентичности, сродни ритуальной «смерти» предыдущего этапа.

Как показал анализ, в книге «Многоточие» раскрываются не только проблемы личной судьбы и внутреннего конфликта, но и «вечные» вопросы философии мироздания о смысле жизни, находении своего пути, отношении к жизни и смерти. Эпиграф к произведению становится понятным толь-

ко после того, как прочитана последняя 500-я страница книги: «Все о смерти, а значит — о жизни.../ Все о яви, а значит — о сне.../ Все о грязи, а значит — о чистом.../ Все о ночи, а значит — о дне...»¹.

Говоря словами Иосифа Бродского, любой поэт — это кочевник мира, космополит. Думаем, что данное определение можно в полной мере отнести к Бахыту Каирбекову. Современный городской человек, коренной алматинец, тем не менее ощущает исконные корни, воплощая в произведениях этнокультурные ценности своего народа. Являясь преемником отца, народного акына Гафу Каирбекова, русскоязычный поэт в своеобразной форме воссоздает в своих произведениях мотивы кочевой культуры, степную эстетику, древнетюркские образы. Этнокультурные концепты, в том числе *мүшел жас*, помогают лучше понять как философские, так и литературные маркеры, отражающие менталитет казахского народа.

На наш взгляд, рассмотренная нами тема, имеет перспективы для дальнейшего изучения в направлениях: выявление символики 12-летнего цикла в других поэтических сборниках автора; сопоставительный анализ числовой символики в прозе, стихах, дневниках, эссеистике; изучение интерпретации данной темы в его кинематографических работах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абдрахманова, Э. А., Тахан, С. Ш. (2023) Интерпретация национальных и общечеловеческих проблем в творчестве Бахыта Каирбекова // Вестник Торайгыров университета. Филологическая серия. № 3. С. 9–19.

Агаджанян, Н. А. (1967) Биологические ритмы. М. : Медицина. 120 с.

Аким, Ж. М. (2021) Тенгрианский календарь: воплощение астрономии древних тюрков // Bulletin D'eurotalent-FIDJIP. № 2. С. 86–96.

Аскольдов, С. А. (1997) Концепт и слово. Русская словесность // От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. 320 с. С. 267–279.

Бадиков, В. В. (2005) Новые ветры. Очерки современного литературного процесса Казахстана. Алматы : Жибек жолы. 336 с.

Бактыбаева, А. Т. (2021) Специфика воплощения философско-юмористического в творчестве Бахыта Каирбекова // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. № 1 (81). С. 58–65.

Бахтиреева, У. М., Шагимгереева, Б. Е. (2020) Языковое бытие творческой личности: Бахыт Каирбеков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Т. XVII. Вып. 1. С. 83–89.

Бегалинова, К., Кокумбаева, Б. (2020) Тенгрианство как феномен тюркской духовности (на казахском материале). Алматы : Қазақ университеті. 245 с.

Безертинов, Р. Н. (2006) Древнетюркское мировоззрение «Тэнгрианство». Казань : РИЦ «Школа». 164 с.

Бенвенист, Э. (2002) Общая лингвистика : пер. с фр. 2-е изд. М. : УРСС. 446 с.

Бертельс, Е. Э. (1988) Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М. : Наука. Т. 5. 556 с.

Бисенбаев, А. К. (2023) Мифы древних тюрков. Алматы : Мектеп. 174 с.

Бопайұлы, Б. (2024) Қазақ ырым-ғұрыптары [Казахские поверья и обычаи]. Астана : Фолиант. 60 с. (На каз. яз.)

Брагинский, И. С. (1974) Проблемы востоковедения: актуальные вопросы восточного литературоведения. М.: Наука. 493 с.

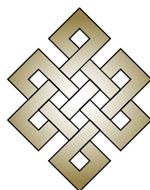
Валикова, О. А. (2021) В поисках собеседника: интервью с Бахытом Каирбековым. Часть первая, или ипостась главная. Поэт // Полилингвальность и транскультурные практики. Т. 18. № 1. С. 67–79. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-67-79>

Валикова, О. А., Шагимгереева, Б. Е., Кулиева, Ш. А. (2020) Космос в логосе: транслингвальная поэзия Эдуарда Мижита и Бахыта Каирбекова // Новые исследования Тувы. № 4. С. 230–249. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>

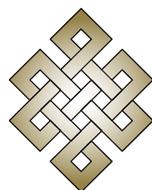
Вежбицкая, А. (2011) Семантические универсалии и базисные концепты М. : Языки славянских культур. 568 с.

Дианова, Л. П. (2023) Транслингвальная поэзия в лирике Б. Каирбекова // Полилингвальность и транскультурные практики. Т. 20. № 3. С. 524–534. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-524-534>

¹ Там же. С. 5.

- Журакузиев, Н. И. (2021) Модель мироустройства в литературе и фольклоре древних тюркских народов // Вестник ЕНУ имени Н. Гумилева. № 1(134). С. 23–35. DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2021-134-1-23-36>
- Ергали, С. А. (2012) Түркілік уақыт циклы мен маусымдар [Тюркские циклы и времена года] // Ақиқат. № 4. 52–58 б. (На каз. яз.)
- Каракозова, Ж. К., Хасанов, М. Ш. (2001) Космос казахской культуры // Евразия. Вып. 2. С. 91–138.
- Карасик, В. И. (2004) Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис. 389 с.
- Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 232 с.
- Кляшторный, С. Г. (2006) Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб. : Наука. 590 с.
- Кожаметова, К. Ж. (1998) Казахская этнопедагогика: методология, теория, практика. Алматы : Ғылым. 317 с
- Кривошапова, Т. В. (2022) Полижанровая структура книги Бахыта Каирбекова «Многогочие» // Научный поиск в филологии: теория, методология, практика. Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию профессора А. Е. Агмановой / отв. ред. Е. А. Журавлёва. Нур-Султан : Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. 340 с. С. 100–108.
- Кубрякова, Е. С. (2004) Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль яз. в познании мира. М. : Языки славянской культуры. 560 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2018) Тувинское время и экономическая культура тувинцев // Новые исследования Тувы. № 2. С. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.1>
- Лихачев Д. С. (1997) Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia. 320 с. С. 280–287.
- Малов, С. Е. (1951) Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М. : Академия Наук СССР. 451 с.
- Маслова, В. А. (2021) «Образ мира в слове явленный...» (На материале творчества поэта-билингва Бахыта Каирбекова // Полилингвильность и транскультурные практики. Т. 18. № 2. С. 176–184. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184>
- Мижит, Л. С. (2009) Тройственные образы в мифологии и фольклоре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 4. С. 173–187.
- Монгуш, Б. Б.-О. (2015) Истоки двенадцатилетнего животного календаря и его связь с празднованием Шагаа // Новые исследования Тувы. № 1. С. 105–111.
- Мухамбетова, А. И. (2001) Тенгрианский календарь и время в казахской культуре // Евразия. № 2. С. 12–22.
- Нурмаганбет, К. Е., Ананьева, С. В. Демченко, А. С. (2024) Анализ «номадического» текста: установочно-предпосылочный этап // Керуен. № 3. С. 27–39. DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2024.3-02>
- Паллас, П. С. (1989) Путешествие по разным провинциям Российского государства. Л. : Лениздат. 528 с.
- Радлов, В. В. (1872) Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. СПб. : Тип. Императорской Академии наук. 346 с.
- Салтаев, Н., Эйваз, А. (2024) Тюркский календарь. Алматы : Qazyna. 496 с.
- Саметова, Ф. Т. (2018) Концепт «Время» в западной и восточной культурах // Материалы международной научно-методической конференции «Новые научные направления казахского языкознания» / отв. ред. Т. О. Балықбаев, Алматы : ИП «Балауса». 420 с. С. 198–204.
- Салханова, Ж. Х. (2017) Мироощущение кочевой культуры в эссеистике Бахыта Каирбекова // От билингвизма к транслингвизму: про и контра. Материалы III Международной научно-практической конференции под эгидой МАПРЯЛ / отв. ред. У. М. Бахтикиреева. М. : РУДН. 515 с. С. 341–345.
- Серигова, С. К. (2012) Поэтика адресата в лирике Бахыта Каирбекова // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Филологические науки. № 3 (137). С. 238–242.
- Степанов, Ю. С. (1997) Константы. Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры. 824 с.
- Стернин, И. А. (2007) Когнитивная лингвистика. Восток-Запад. М. : АСТ. 314 с.
- Тенишев, Э. Р. (2011) Избранные труды. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 256 с.
- Телия, В. Н. (1996) Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры. 284 с.

Туманова, А. Б. (2023) Языковая личность писателя-билингва в русскоязычном художественном тексте (70-летию поэта, кинорежиссера Бахыта Каирбекова) // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. № 2. С. 96–99.

Уинфри, А. Т. (1990) *Время по биологическим часам* : пер. с англ. М. : Мир. 208 с.

Цыбульский, В. В. (1982) *Календари и хронология стран мира*. М. : Просвещение. 128 с.

Юнг, К. Г. (2010) *Психология бессознательного*. 2-е изд. М. : Когито-Центр. 352 с.

Clauson, G. (1972) *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford University Press. 281 p.

Levinson, D. J., Darrow, C. N, Klein, E. B., Levinson, M. (1978) *The Seasons of a Man's Life*. New York : Random House. 363 p.

Pagden, A. (2008) *Worlds at War: The 2,500 Year Struggle Between East and West*. Oxford University Press. 576 p.

Дата поступления: 21.05.2025 г.

Дата принятия: 06.09.2025 г.

REFERENCES

Abdrakhmanova, E. A. and Takhan, S. Sh. (2023) Interpretation of national and universal issues in the works of Bakhyt Kairbekov. *Vestnik Torajgyrov universiteta. Filologičeskaâ seriâ*, no. 3, pp. 9–19. (In Russ.)

Agadzhanian, N. A. (1967) *Biological rhythms*. Moscow, Meditsina. 120 p. (In Russ.)

Akim, Zh. M. (2021) The Tengrian calendar: embodiment of the astronomy of the ancient Turks. *Bulletin D'eurotalent-FIDJIP*, no. 2, pp. 86–96. (In Russ.)

Askoldov, S. A. (1997) Concept and word. Russian philology. In: Neroznak V. P. (ed.) *From the theory of philology to the structure of the text. Anthology*. Moscow, Academia. 320 p. Pp. 267–279. (In Russ.)

Badikov, V. V. (2005) *New winds. Essays on the contemporary literary process of Kazakhstan*. Almaty, Zhibek zholy. 336 p. (In Russ.)

Baktybaeva, A. T. (2021) Specificity of the embodiment of the philosophical and humorous in the works of Bakhyt Kairbekov. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova*, no. 1 (81), pp. 58–65. (In Russ.)

Bakhtikireeva, U. M. and Shagimgereeva, B. E. (2020) The linguistic existence of the creative personality: Bakhyt Kairbekov. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, vol. XVII, issue 1, pp. 83–89. (In Russ.)

Begalinova, K. and Kokumbaeva, B. (2020) *Tengriism as a phenomenon of Turkic spirituality (on Kazakh material)*. Almaty, Qazaq universiteti. 245 p. (In Russ.)

Bezertinov, R. N. (2006) *The ancient Turkic worldview "Tengrianism"*. Kazan, RITs 'Shkola'. 164 p. (In Russ.)

Benveniste, É. (2002) *General linguistics*, transl. from French, 2nd ed. Moscow, URSS. 446 p. (In Russ.)

Berthels, E. E. (1988) *Selected works. History of the literature and culture of Iran*. Moscow, Nauka. Vol. 5. 556 p. (In Russ.)

Bisenbaev, A. K. (2023) *Myths of the ancient Turks*. Almaty, Mektep. 174 p. (In Russ.)

Bopaiuly, B. (2024) *Kazakh beliefs and customs*. Astana, Foliant. 60 p. (In Kaz.)

Braginsky, I. S. (1974) *Problems of Oriental studies: topical issues of Oriental literary studies*. Moscow, Nauka. 493 p. (In Russ.)

Valikova, O. A. (2021) In search of an interlocutor: an interview with Bakhyt Kairbekov. Part one, or the main hypostasis. The poet. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 1, pp. 67–79. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-1-67-79>

Valikova, O. A., Shagimgereeva, B. E. and Kulieva, Sh. A. (2020) Cosmos in logos: translingual poetry of Eduard Mizhit and Bakhyt Kairbekov. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 230–249. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.16>

Wierzbicka, A. (2011) *Semantic universals and basic concepts*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. 568 p. (In Russ.)

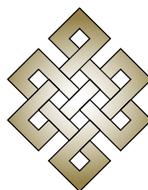
Dianova, L. P. (2023) Translingual poetry in the lyrics of B. Kairbekov. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 3, pp. 524–534. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-524-534>

Zhurakuziev, N. I. (2021) The model of the world order in the literature and folklore of the ancient Turkic peoples. *Vestnik ENU imeni N. Gumileva*, no. 1 (134), pp. 23–35. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2021-134-1-23-36>

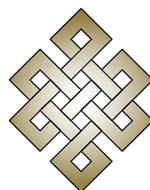
Ergali, S. A. (2012) Turkic time cycles and seasons. *Aqiqat*, no. 4, pp. 52–58. (In Kaz.)

Karakozova, Zh. K. and Khasanov, M. Sh. (2001) The cosmos of Kazakh culture. *Evrasiya*, issue 2, pp. 91–138. (In Russ.)

Karasik, V. I. (2004) *The linguistic circle: personality, concepts, discourse*. Moscow, Gnozis. 389 p. (In Russ.)

- Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditional culture of the Tuvans*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 232 p. (In Russ.)
- Klyashporny, S. G. (2006) *Monuments of ancient Turkic writing and the ethnocultural history of Central Asia*. St Petersburg, Nauka. 590 p. (In Russ.)
- Kozhakhmetova, K. Zh. (1998) *Kazakh ethnopedagogy: methodology, theory, practice*. Almaty, Gylym. 317 p. (In Russ.)
- Krivoshchapova, T. V. (2022) The multigenre structure of Bakhyt Kairbekov's book *Ellipsis*. In: Zhuravlyova, E. A. (ed.) *Scientific research in philology: theory, methodology, practice*. Proceedings of the international research and practical conference dedicated to the 60th anniversary of Professor A. E. Agmanova. Nur-Sultan, Eurasian National University named after L. N. Gumilyov. 340 p. Pp. 100–108. (In Russ.)
- Kubryakova, E. S. (2004) *Language and knowledge: On the way to obtaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the cognition of the world*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury. 560 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2018) Tuvan time and the economic culture of the Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 2, pp. 4–21. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.2.1>
- Likhachev, D. S. (1997) The conceptosphere of the Russian language, in: Neroznak, V. P. (ed.) *Russian philology. From the theory of philology to the structure of the text. Anthology*. Moscow, Academia. 320 p. Pp. 280–287. (In Russ.)
- Malov, S. E. (1951) *Monuments of ancient Turkic writing: texts and studies*. Moscow, Akademiya Nauk SSSR. 451 p. (In Russ.)
- Maslova, V. A. (2021) “The image of the world revealed in the word...” (On the material of the works of the bilingual poet Bakhyt Kairbekov). *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 18, no. 2, pp. 176–184. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2021-18-2-176-184>
- Mizhit, L. S. (2009) Triple images in the mythology and folklore of the Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 173–187. (In Russ.)
- Mongush, B. B.-O. (2015) The origins of the twelve-year animal calendar and its connection with the celebration of Shagaa. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 105–111. (In Russ.)
- Mukhambetova, A. I. (2001) The Tengrian calendar and time in Kazakh culture. *Evrasiya*, no. 2, pp. 12–22. (In Russ.)
- Nurmaganbet, K. E., Anan'eva, S. V. and Demchenko, A. S. (2024) Analysis of the “nomadic” text: the attitudinal and prerequisite stage. *Keruen*, no. 3, pp. 27–39. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2024.3-02>
- Pallas, P. S. (1989) *Journey through various provinces of the Russian state*. Leningrad, Lenizdat. 528 p. (In Russ.)
- Radlov, V. V. (1872) *Samples of folk literature of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe*. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk. 346 p. (In Russ.)
- Saltaev, N. and Eivaz, A. (2024) *The Turkic calendar*. Almaty, Qazyna. 496 p. (In Russ.)
- Sametova, F. T. (2018) The concept “Time” in Western and Eastern cultures. In: Balykbaev, T. O. (ed.) *Proceedings of the international research and methodological conference “New research directions of Kazakh linguistics”*. Almaty, IP ‘Balasa’. 420 p. Pp. 198–204. (In Russ.)
- Salkhanova, Zh. Kh. (2017) The worldview of nomadic culture in the essays of Bakhyt Kairbekov. In: Bakhtikireva, U. M. (ed.) *From bilingualism to translanguaging: pro et contra*. Proceedings of the 3rd International research and practical conference under the aegis of MAPRYaL. Moscow, RUDN. 515 p. Pp. 341–345. (In Russ.)
- Serikova, S. K. (2012) The poetics of the addressee in the lyrics of Bakhyt Kairbekov. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta im. al'-Farabi. Filologicheskie nauki*, no. 3 (137), pp. 238–242. (In Russ.)
- Stepanov, Yu. S. (1997) *Constants. Dictionary of Russian culture*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. 824 p. (In Russ.)
- Sternin, I. A. (2007) *Cognitive linguistics. East–West*, Moscow, AST. 314 p. (In Russ.)
- Tenishev, E. R. (2011) *Selected works*. Ufa, IYal UNTs RAN. 256 p. (In Russ.)
- Teliya, V. N. (1996) *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury. 284 p. (In Russ.)
- Tumanova, A. B. (2023) The linguistic personality of a bilingual writer in a Russian-language literary text (on the 70th anniversary of the poet and film director Bakhyt Kairbekov). *Lingvitoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*, no. 2, pp. 96–99. (In Russ.)
- Winfrey, A. T. (1990) *The timing of biological clocks*, transl. from English. Moscow, Mir. 208 p. (In Russ.)

- Tsybul'sky, V. V. (1982) *Calendars and chronology of the countries of the world*. Moscow, Prosveshchenie. 128 p. (In Russ.)
- Jung, C. G. (2010) *The psychology of the unconscious*. 2nd ed. Moscow, Kogito-Tsentr. 352 p. (In Russ.)
- Clauson, G. (1972) *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford University Press. 281 p.
- Levinson, D. J., Darrow, C. N, Klein, E. B. and Levinson, M. (1978) *The Seasons of a Man's Life*. New York, Random House. 363 p.
- Pagden, A. (2008) *Worlds at War: The 2,500 Year Struggle Between East and West*. Oxford University Press. 576 p.

Submission date: 21.05.2025.

Acceptance date: 06.09.2025.